

Эразм Роттердамский

Разговоры запросто

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 101
ББК 87
Р79

Р79   **Роттердамский Э.**
Разговоры запросто/Эразм Роттердамский—М.: Книга по Требованию, 2012.—
456 с.

ISBN 978-5-4241-2994-0

В своих «Разговорах запросто» Эразм Роттердамский (1469—1536) выявил пошлость, формализм, догматизм и отсутствие всякого разумного начала — «глупость» во всех областях жизни (политической, культурной, церковной). Наиболее резким насмешкам подверглись богословы и представители схоластики.

ISBN 978-5-4241-2994-0

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Разговоры запросто

ДЕЗИДЕРИЙ ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ ПРИВЕТСТВУЕТ ИОГАННА
ЭРАЗМИЯ ФРОБЕНА¹, ПОДАЮЩЕГО НАИЛУЧШИЕ НАДЕЖДЫ

Эта книжечка, тебе посвященная, миленький мой Эразмий, превзошла все наши ожидания — теперь пострайся не обмануть их и ты.

Ее так любят, так расхватывают, так прилежно читают молодые глаза, что и отцу твоему уже много раз приходилось печатать ее сызнова, и мне пополнять все новыми добавлениями. Пожалуй, что и она — своего рода *εράστιον*², отрада тех, кто свято чтит Муз. Тем больше усилий надобно тебе приложить, чтобы оправдать имя, которое ты носишь, — чтобы ученостью и добрым нравом ты был дорог и любезен всякому порядочному человеку. И было бы очень стыдно, если бы книжечка, столь многих сделавшая и образованнее и лучше, тебе, по твоей же нерадивости, не принесла той пользы, какую через твое посредство принесла всем. Так много юношей поминает тебя с благодарностью по случаю «Разговоров», и если ты по тому же случаю меня не поблагодаришь, да еще сам, по-видимому, будешь во всем виноват — разве безосновательно назовут это люди нелепицей?

Книжечка выросла до размеров полного тома, вот и тебе надо позаботиться, чтобы, насколько прибавляется возраста, настолько прибавлялось бы и достойной образованности, и крепости нравственных правил. Не обычные ожидания связаны с тобою; исполнить их — дело необходимое, но будет намного прекраснее, если ты шагнешь дальше; обмануть эти ожидания — величайший позор. Говорю так не потому, чтобы до сих пор не был доволен твоими успехами, но с тем, чтобы пришпорить скакуна: скачи ещешибче! Вдобавок, ты как раз вступаешь в возраст, когда всего легче западают в душу семена наук и благочестия. Сделай же так, чтобы эти «Разговоры» и вправду могли называться твоими. Господь Иисус Христос да хранит юные твои годы от всяческой нечистоты и всегда да направляет тебя к наилучшей цели. Прошай.

Писано в Базеле, в августовские календы³ года 1524.

Опрометчивый обет

Арнольд. Корнелий

Арнольд. Здравствуй, здравствуй, Корнелий! Целый век с тобой не видались!
Корнелий. Здравствуй и ты, дорогой приятель. Арнольд. Я уж думал, ты не вернешься. Где ты пропадал так долго?

Корнелий. На том свете.

Арнольд. Похоже, что и правда, — такой ты нынче у нас ободранный, тощий да бледный.

Корнелий. Да нет, не из царства теней я к вам явился, а из Иерусалима.

Арнольд. Какой же бог или какой ветер тебя туда занес?

Корнелий. А что заносит туда всех остальных, а им и числа нет?

Арнольд. Я так полагаю, что глупость.

Корнелий. Стало быть, не мне одному зваться дураком.

Арнольд. А чего ты там искал?

Корнелий. Несчастья!

Арнольд. Ну, этого и дома вдосталь. А есть ли там, по-твоему, на что поглядеть?

Корнелий. Признаться тебе по совести, так, пожалуй, и не на что! Показывают какие-то памятники старины, но все они, на мой взгляд, вымышленные, поддельные — нарочно, чтобы заманивать легковерных простаков. Да что говорить: где Иерусалим стоял поначалу — и то, мне думается, в точности не известно!

Арнольд. Но что же ты все-таки видел?

Корнелий. Великое повсюду варварство!

Арнольд. И вернулся нисколько не чище?

Корнелий. Наоборот, во много раз грязнее.

Арнольд. Тогда, значит, богаче?

Корнелий. Наоборот, беднее церковной крысы.

Арнольд. А не жалеешь ты теперь о таком долгом и совсем зряшном странствии?

Корнелий. Нет, я и не стыжусь, потому что вон сколько у меня товарищей по глупости, и не жалею, потому что жалеть уже бесполезно.

Арнольд. Стало быть, такое трудное странствие — и никаких плодов?

Корнелий. Плоды обильные.

Арнольд. Какие же это?

Корнелий. А те, что впредь житься мне будет слаше.

Арнольд. Потому, что вспоминать о минувших тяготах приятно?

Корнелий. Да, конечно. Но это еще не все.

Арнольд. Есть и другая награда?

Корнелий. Разумеется.

Арнольд. Открой, какая.

Корнелий. Всякий раз, как вздумается, примусь описывать свое путешествие где-нибудь на людях или за столом, и до чего же сладко будет обманывать и себя и других!

Арнольд. Да, признаюсь, ты бьешь наверняка.

Корнелий. И не меньше будет удовольствия послушать, как лгут другие, сочиняя небылицы о том, чего никогда не видели и не слыхали. И ведь с какою уверенностью лгут! Плетут такое, что уши вянут, а убеждены, будто говорят чистую правду!

Арнольд. Странное удовольствие. Но ты, выходит, потрудился не попусту.

Корнелий. Какой там попусту! По-моему, намного разумнее тех, кто за малые деньги идет в военную службу — в эту школу всяческих преступлений.

Арнольд. Да, но черпать радость из обмана — удовольствие не из благородных.

Корнелий. Но намного благороднее, чем забавлять других или самому забавляться злословием или же убивать время за игрою в кости.

Арнольд. Должен с тобою согласиться.

Корнелий. Но есть еще один добрый плод.

Арнольд. Какой?

Корнелий. Если кто из особенно близких друзей склонится к такому же безумию, я уговорю его остаться дома. Так моряки, потерпевшие кораблекрушение, всегда напоминают об опасности тем, кто намерен пуститься в плавание.

Арнольд. Ах, если бы ты и мне напомнил своевременно!

Корнелий. Что я слышу, приятель? Разве сходная болезнь постигла и тебя? Разве ты тоже заразился этой хворью?

Арнольд. Да, я побывал в Риме и в Компостелле⁴.

Корнелий. Боже бессмертный, какое это для меня утешение, что тебе выпало разделить со мною мою глупость! Что же за Паллада внушила тебе такие мысли?

Арнольд. Не Паллада, а сама Мория⁵. Ведь дома-то у меня и жена, еще в самом расцвете лет, и дети, и домочадцы, и всё держится только на мне, все кормятся моими трудами ото дня ко дню.

Корнелий. Должно быть, важная случилась причина, раз оторвала тебя от самых дорогих и близких людей. Расскажи, очень тебя прошу.

Арнольд. Стыдно рассказывать.

Корнелий. Только не передо мною: я-то, как ты знаешь, одержим тем же недугом.

Арнольд. Собралось нас несколько соседей. И вот, когда вино распалило души, кто-то и говорит, что, дескать, надумал он поклониться святому Иакову, а еще кто-то — что святому Петру⁶. Тотчас же остальные, один за другим, принялись клясться, что пойдут с ними вместе. Скоро оказалось, что идут все. Чтобы меня не сочли плохим собутыльником, пообещался и я. Потом, не откладывая, начали обсуждать, куда лучше идти — в Рим или в Компостеллу. Постановили: назавтра же, всем, в добрый час, отправиться и туда и сюда.

Корнелий. Ох, уж и постановление! Его бы не на меди записывать, а на вине.

Арнольд. И тут же пустили вкруговую громадную чашу, и каждый, в свой черед, осушал ее до дна и произносил нерушимый обет.

Корнелий. Странное благочестие!... Но всем ли довелось вернуться благополучно?

Арнольд. Всем, кроме троих. Один умер еще в день отбытия, поручивши нам поклониться за него Петру и Павлу. Другой скончался в Риме и велел передать поклон жене и детям. Третьего оставили во Флоренции — уже безнадежным. Я

полагаю, он теперь на небесах.

Корнелий. Такой был благочестивый?

Арнольд. Что ты! Пустейший был человек.

Корнелий. Откуда же такое предположение?

Арнольд. А он доверху набил мешок самыми щедрыми индульгенциями.

Корнелий. Понятно. Но путь на небеса долгий и не вполне, как слышно, безопасный: посреди воздушной области засели разбойники.

Арнольд. Верно. Но он-то вполне надежно защищен грамотами.

Корнелий. А каким языком они писаны?

Арнольд. Римским.

Корнелий. Стало быть, опасаться нечего?

Арнольд. Нечего. Разве что натолкнется на гения, который не знает по-латыни. Тогда надо будет возвращаться в Рим и хлопотать о новой грамоте.

Корнелий. А там и мертвым продают буллы?

Арнольд. Сколько угодно!

Корнелий. Но пока я должен тебе внушить, чтобы ты не болтал лишнего: кругом полно доносчиков, точно в Корике⁷.

Арнольд. Да ведь я нисколько не против индульгенций, я только смеюсь над глупостью моего собутыльника, который всегда был пустозвон из пустозвонов, а все надежды на спасение души, как говорится, утвердил и возвел на листах пергамена, вместо того чтобы исправлять свои пороки... А когда можно насладиться удовольствием, которое ты упоминал?

Корнелий. Как выпадет случай — устроим пирушку, созвовем людей нашего круга и будем состязаться во лжи, да и чужих врач наслушаемся вдоволь.

Арнольд. Очень хорошо.

В поисках прихода

Памфаг. Коклит

Памфаг. Либо в глазах у меня туман, либо я вижу Коклита, старого своего собутыльника.

Коклит. Нет, глаза тебя не обманывают: перед тобою закадычный твой друг. Никто уж и не чаял, что ты вернешься, — ведь столько лет тебя не было, и ни одна живая душа не знала, в каких ты краях. Откуда ж теперь? Скажи, сделай милость.

Памфаг. От антиподов.

Коклит. Скорее, по-моему, с Островов Блаженных.

Памфаг. Как приятно, что ты узнал друга. А я боялся, как бы мое возвращение не было похоже на возвращение Улисса⁸.

Коклит. А что с ним случилось, с этим Улисом?

Памфаг. Жена и та его не узнала. Только собака, совсем уже старая, признала хозяина и вильнула хвостом.

Коклит. Сколько лет он пробыл в отсутствии?

Памфаг. Двадцать.

Коклит. А ты еще больше, и все-таки твоё лицо сразу мне показалось знакомым. Но кто же это рассказывает про Улисса?

Памфаг. Гомер.

Коклит. А-а, как про него говорят, отец всяческих вымыслов! А может, супруга тем временем приискала себе другого быка и потому как раз и не узнала своего Улисса?

Памфаг. Наоборот — чище ее на свете не было и нет! Просто Паллада прививила Улиссе возраста, чтобы его не признали.

Коклит. Но в конце-то концов признали?

Памфаг. Да, по бугорку на пальце ноги⁹. Его заметила нянька, ветхая старуха, когда мыла гостю ноги.

Коклит. Подумать только, настоящая ламия¹⁰. А ты дивишься, что я узнал тебя по твоему приметному носу!

Памфаг. Я своим носом вполне доволен.

Коклит. Еще бы тебе быть недовольным таким орудием, годным на любую потребу!

Памфаг. На какую ж именно?

Коклит. Во-первых, гасить свечи, словно бы рогом¹¹.

Памфаг. Дальше.

Коклит. Потом, если надо вычерпнуть влагу из глубокой впадины, он будет тебе наместо хобота.

Памфаг. Вот те раз!

Коклит. Если будут заняты руки, обопрешься на него, как на посох.

Памфаг. И это всё?

Коклит. Нет. Раздуешь им жаровню, если не случится под рукою мехов.

Памфаг. Отлично рассказываешь. Еще что?

Коклит. Если солнце помешает писать, он послужит тебе зонтом.

Памфаг. Ха-ха-ха! Ты уж все выложил?

Коклит. В морском бою послужит багром. Памфаг. А в сухопутном?

Коклит. Щитом.

Памфаг. А еще?

Коклит. Придет нужда расколоть дерево — он будет клином.

Памфаг. Дельно.

Коклит. Ты станешь герольдом — он трубою, ты горнистом — он горном, ты землекопом — он заступом, ты жнецом — он серпом, ты мореходом — он якорем. На кухне он будет вилкою, за рыбною ловлею — крючком.

Памфаг. Однако мне повезло! Я и не знал, что ношу с собою такую счастье, годную на все случаи жизни.

Коклит. Какой же все-таки уголок земли тебя приютил?

Памфаг. Рим.

Коклит. У всех на глазах — и никто не знал, что ты жив! Как это могло случиться?

Памфаг. Именно у всех на глазах и пропадают порядочные люди, так что часто средь бела дня на битком набитой площади никого не увидишь¹².

Коклит. Стало быть, ты возвращаешься к нам, нагруженный приходами?

Памфаг. Охотился-то я с усердием, но Делия¹³ была не слишком милостива. А все оттого, что там большею частью рыбку ловят, как говорится, золотым крючком.

Коклит. Глупо.

Памфаг. И тем не менее кое у кого получалось прекрасно. Но, конечно, не у всех.

Коклит. Разве не явные глупцы те, кто золото променивает на свинец¹⁴?

Памфаг. Ты не понимаешь, что в освященном свинце таятся золотые жилы.

Коклит. Так что же, ты вернулся к нам прежним Памфагом-Прожорою¹⁵?

Памфаг. Нет.

Коклит. Кем же?

Памфаг. Волком с разинутою понапрасну пастью.

Коклит. Лучше бы вернуться ослом, изнемогающим под грузом приходов. Но почему приход ты предпочитаешь жене?

Памфаг. Потому что мне люб нюх, нравится эпикурейская жизнь.

Коклит. На мой взгляд, слаще живет тот, у кого под боком молодая и милая женка, и он обнимается с нею, когда захочет.

Памфаг. Только прибавь: иной раз — и когда не захочет. А я люблю удовольствие беспрерывное. Кто взял жену, счастлив один месяц; кому достался богатый приход, наслаждается и радуется всю жизнь.

Коклит. Но одиночество печально! Даже Адаму в раю было бы не сладко, если б господь не соединил его с Евою.

Памфаг. Был бы приход побогаче, а Ева всегда найдется.

Коклит. Но тебе ведомо, что удовольствие не в удовольствие, если оно сопряжено с дурною славою и нечистой совестью.

Памфаг. Ты прав, и потому я намерен разгонять Печаль одиночества, беседуя с книгами.

Коклит. Да, приятнее этих друзей нет. Но вернешься ли ты к своей рыбной ловле?

Памфаг. Вернусь, если удастся раздобыть новую наживку.

Коклит. Золотую или серебрянную?

Памфаг. Хоть какую из двух.

Коклит. Не сомневайся — отец даст тебе все, что нужно.

Памфаг. Он страшный скряга! Да и не поверит он в другой раз, когда узнает,' что я не сберег его денег.

Коклит. Таков уж закон игры.

Памфаг. Но он в эту игру не играет.

Коклит. Если он не даст, я укажу тебе, откуда можно взять столько денег, сколько сам пожелаешь.

Памфаг. Какая радость! Указывай скорее, у меня уже сердце прыгает.

Коклит. Пожалуйста, когда угодно.

Памфаг. Ты нашел клад?

Коклит. Если бы нашел, то для себя, не для тебя.

Памфаг. Наскрести бы сотню дукатов — и надежда оживет.

Коклит. Да я тебе показываю, откуда можешь позаимствовать хоть сотню тысяч!

Памфаг. Что же ты меня не осчастливишь? Не томи меня дольше! Говори, откуда!

Коклит. Из Будеева «Асса»¹⁶. Там найдешь неисчислимые мириады, хочешь в золотой монете, хочешь в серебряной.

Памфаг. Поди-ка ты со своими шутками сам знаешь куда! А из той сокровищницы я уплачу тебе свой долг.

Коклит. Конечно, но ровно столько, сколько я тебе сперва из нее же и отсчитаю.

Памфаг. Теперь я вижу, что ты просто зубоскал.

Коклит. Что ж, у кого нос, а у кого и зубы.

Памфаг. Шутить в важном деле — это зубоскальство, и ничего больше. Тут впору скрежетать зубами, а не скалиться. Будь ты на моем месте, ты бы не шутил. А ты из меня делаешь посмешище.

Коклит. Да я и не думаю насмехаться! Я говорил от души и спроста.

Памфаг. Спроста! Врешь — и не покраснеешь, и глазом не моргнешь. Но мне бы не мешкать, а отправляться домой — узнать, как там и что.

Коклит. Застанешь очень много нового.

Памфаг. Это понятно. Главное — чтобы ничего огорчительного!

Коклит. Желать никому не возбраняется, да только ни у кого еще не сбывалось такое желание.

Памфаг. Нет еще какую пользу принесет каждому из нас путешествие: после приятнее будет дома.

Коклит. Не уверен. Я вижу, как люди ездят в Рим и по семь раз. Эта чесотка, если уж нападет, так зудит и зудит — без конца.

Исповедь солдата

Ганнон. Трасимах ¹⁷

Ганнон. Откуда к нам, Трасимах? Уходил ты Меркурием, а возвращаешься Вулканом.

Трасимах. Какие там еще Меркурии, какие Вулканы? О чём ты толкуешь?

Ганнон. Да как же: уходил — будто на крыльях улетал, а теперь хромаешь¹⁸.

Трасимах. С войны так обычно и возвращаются.

Ганнон. Что тебе война — ведь ты пугливее серны!

Трасимах. Надежды на добычу сделали храбрецом.

Ганнон. Значит, несешь уйму денег?

Трасимах. Наоборот, пустой пояс¹⁹.

Ганнон. Зато груз необременительный.

Трасимах. Но я обременен злодеяниями.

Ганнон. Это, конечно, груз тяжелый, если верно сказано у пророка²⁰, который грех зовет свинцом.

Трасимах. Я и увидел и совершил сам больше преступлений, чем за всю прошлую жизнь.

Ганнон. Понравилось, стало быть, воинское житьё?

Трасимах. Нет ничего преступнее и злополучнее!

Ганнон. Что же взбредает в голову тем, которые за плату, а иные и даром, мчатся на войну, будто на званый обед?

Трасимах. Не могу предположить ничего иного, кроме одного: они одержимы фуриями, целиком отдались во власть злому духу и беде и явно рвутся в преисподнюю до срока.

Ганнон. Видимо, так. Потому что для достойного дела их не наймешь ни за какие деньги. Но опиши-ка нам, как происходило сражение и на чью сторону склонилась победа.

Трасимах. Стоял такой шум, такой грохот, гудение труб, гром рогов, ржание коней, крики людей, что я и различить ничего не мог — едва понимал, на каком я свете.

Ганнон. А как же остальные, которые, вернувшись с войны, расписывают всё в подробностях, кто что сказал или сделал, точно не было такого места, где бы они не побывали досужими наблюдателями?

Трасимах. Я убежден, что они лгут почем зря. Что происходило у меня в палатке, я знаю, а что на поле боя — понятия не имею.

Ганнон. И того даже не знаешь, откуда твоя хромота?

Трасимах. Пусть Маворс²¹ лишит меня наперед своей благосклонности — пожалуй, что нет. Скорее всего, камень угодил в колено или конь ударил копытом.

Ганнон. А я знаю.

Трасимах. Знаешь? Разве тебе кто рассказал?

Ганнон. Нет, сам догадался.

Трасимах. Так что же?

Ганнон. Ты бежал в ужасе, грохнулся оземь и расшиб ногу.

Трасимах. Провалиться мне на этом месте, если ты не попал в самую точку!